

ПИСАТЕЛЬ ХХІ ВЕКА

В ночь с 3-го на 4-е августа ровно год тому назад умер Александр Исаевич Солженицын. Человек, чьи даты рождения и смерти «отбивают» временные границы «некалендарного, двадцатого века». Конец первой мировой и установление нового миропорядка в Европе, изначально чреватого первым глобальным кризисом, и — начало сотрясающего всю планету нового, терминального кризиса, знаменующего собой конец иллюзий насчёт пригодной для всех модели оптимального государственного устройства — парламентской демократии, и рыночно-либеральной экономики как инструмента достижения всеобщего благоденствия. Писатель, бросивший вызов альтернативной, равно неприемлемой коммунистической утопии, и вышедший победителем в борьбе с ней, последние двадцать лет жизни искал «третий путь», где главенствующей оказалась бы не сфера потребления — «не могут сто червей изгрызть бесконечно одно яблоко», а деятельность, согласная с человеческой природой, ставящая духовный прогресс выше материального.

За минувший год имя писателя не сходило с газетных и журнальных страниц, Россия осмысливала место ушедшего классика в российской и мировой истории. Международные конференции, выставки, чтения, вузовские спецкурсы и даже опера «Один день Ивана Денисовича», триумфально прошедшая в Пермском оперном театре, свидетельствуют о неисчерпанности интереса наших сограждан к личности и наследию писателя. Работает Фонд Солженицына, помогающий 2800 бывшим заключённым (1), без задержек выходят очередные тома тридцатитомного Собрания сочинений писателя, и — Указом Президента РФ одна из улиц в центре Москвы получила имя вчерашнего «главного антисоветчика»: символично, что улицей Александра Солженицына стала... Большая Коммунистическая!

Сопоставим сказанное с оценкой, вышедшей из под пера крупного литературоведа, главного биографа Иосифа Бродского, профессор Льва Лосева, недавно скончавшегося в США: «Говорить о Солженицыне надо, потому что не говорить о нём спокойнее, уютнее. Способом молчания о Солженицыне я считаю и клишированные реакции на него типа: «Иван Денисович» и ГУЛАГ — великие вещи, но исписался...», «ГУЛАГ — замечательный документ, но в художественном отношении все остальное — того...». На таком же интеллектуальном

Александр Исаевич Солженицын
(на похоронах А.Т. Твардовского)

нуле, на мой взгляд, и приклеивание ярлыков хоть ругательных, хоть апологетических: «реакционер», «монархист», «айятолла», «сим симыч», «антисемит», «новый Толстой», «гигант духовности», «пророк». (2)

Противники Солженицына из эмигрантской «образованщины», повторяя и поныне этот дежурный «разоблачительный» набор, не удосужились даже прочесть

строки Лосева, написанные... более двадцати лет назад! И сегодня великого писателя пытаются вытолкнуть из литературы, ибо — по суждению критика из петербургской «Звезды» С. Ястржембского — «современная литература к жизни уже не имеет ни малейшего отношения, это просто литературная игра <...> своей общественной функции литература уже никогда себе не вернёт». (3) Солженицын действительно неудобен обществу потребления, самонадеянно почитавшему себя «концом истории» и отказавшемуся, по словам того же С. Ястржембского, от веры в идеалы. Критик не уловил разницу между «идеалом» и «утопией»; «утопия» — буквально «место, которого нет» — фантазия, вымысел мечта, в частности о возможности оптимально устроенного сообщества довольства и согласия. Вера в капитализм и демократию как «конец истории» действительно исчерпала себя, идеал же, как «образ нравственно совершенной личности» (4) остаётся пределом духовного совершенствования мыслящего гражданина.

Именно Солженицын в знаменитой гарвардской речи утверждал: «Слишком много надежд мы отдали политико-социальным преобразованиям, а оказалось, что у нас отбирают самое драгоценное, что у нас есть: нашу внутреннюю жизнь.<...> Если бы человек был рождён только для счастья, — он не был бы рождён и для смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлёб повседневностью, не

наилучшие способы добывания благ, а потом веселого проживания их (лозунг наших дней! — Г.В.), но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения: покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал её». (5) Критик Павел Басинский заметил, что писатель «воспринимал жизнь мистически как бремя долга пред высшей силой». (6)

Важно, что Солженицын и сегодня — наш собеседник. Ещё предстоит нам прочесть четвёртый том его (ещё неизданной) публицистики, третий том мемуаров — «Иное время. Очерки возвратных лет» — продолжение книг «Бодался теленок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов». Уже после кончины писателя опубликованы — его очерк о Викторе Астафьеве (очередном лауреате Солженицынской премии) и неоконченная статья «Беглецам из Семьи» — последние мысли о судьбе России.

Астафьевский роман «Прокляты и убиты» Солженицын выделяет как «уникальный в русской литературе случай, когда война описывается не офицером и не корреспондентом на правах льготного офицера, не политруком, не прикомандированным писателем, а простым пехотинцем, «чёрным работником войны», который, воюя, и не думал, что писателем станет». (7) А статья «Беглецам из Семьи», открывающаяся словами: «Что есть народ?», провозглашает: «Только народу, сохранившему органическую, духовную связь с наследием предков, — доступно обогатить и мировой духовный опыт». Что же нам оставлено нашими предками? — задаётся вопросом писатель. — Совестьная, жертвенная, боголюбивая в е р а», «свободный, богатый и яркий я з ы к», «т р а д и ц и и бытовой и хозяйственной жизни». — О недвижимости или имуществе речь не идёт!..

Солженицын предупреждает об опасности забвения собственной национальности — ведь упоминание о ней исключено из паспортов, а вместо прилагательного «русский» в печатных текстах рекомендовано свыше писать «россиянин». — «Сегодня та же память «мы — русские» снова стала раздражать слух в Обществе» да «и всякое упоминание о национальной принадлежности считается ныне позорным». Солженицыну не зазорно поставить нам в пример солидарность евреев: «История нашей Планеты показывает нам напротив: как и после трёхтысячелетнего рассеяния по Земле — духовно стойкий еврейский народ ощущает, хранит и защищает своё националь-

ное сознание ещё страстней, чем религиозное единомыслие». (8)

Особое место в изучение творчества Солженицына занимает его язык. Ещё Вильгельм Гумбольдт пришёл к таким формулам как: «Язык есть душа во всей её совокупности»; «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык», и ещё — «человек с одной стороны связан, но с другой стороны, обогащен, укреплен и вдохновлен наследием, оставленным в языке ушедшими поколениями». (9) Эти понятия не Солженицын выработал — они приняты мировым языкознанием; однако писатель, ревностно потрудившийся ради сохранения русского языкового богатства, был и остается постоянной мишенью «образованцев», покушающихся высмеивать его подвижнический труд: «Русский словарь языкового расширения». Даже выверено редко вкрапливаемые им в тексты своих произведений русские пословицы и поговорки встречают отчужденную реакцию и не самых случайных читателей — «не обычай дёгтем щипать белить» — ну не архаизм ли это?..

На днях опубликованы свидетельства вдумчивого филолога Михаила Эпштейна. В начале XX века русский словарь В.И. Даля под редакцией И.А. Бодуэна-де-Куртене насчитывал 220 000 слов. Ушаковский словарь, которым филологи пользуются сегодня, уже содержит всего 88 тысяч слов. Английский же Webster вмещает в себя нынче 600 000 слов. М. Эпштейн вводит в оборот термин «лингвцид» (10) — намеренное убийство русского языка посредством попускаемого извне языкового импорта. Солженицын — единственный, кто попытался вернуть в речевой обиход более 25 тысяч исконно русских слов и словооборотов — только пользуйся! Так нет же: зачем он препятствует нам раствориться в безликости «огусливания!»

С рыночным либерализмом и всевозможными «свободами» вломились к нам наркотики, порнография, нецензурная брань в эфире и на экранах TV, обрубки чатов. Ах, как же мешает этот старец побыстрее нам опуститься на четвереньки! Не Солженицын сложен и устарел, а массовая дебилизация жителей планеты, осуществляемая электронными СМИ — вот реальная причина недостаточной востребованности главной книги писателя — «Красное колесо». Французский биограф и исследователь Солженицына Жорж Нива (11) свидетельствует: «Под влиянием Интернета, под влиянием клипового сознания, коротких текстов, неумения сосредоточиться на длинном и сложном тексте» встаёт проблема доступности произведений Сол-

женицына — даже и для русского читателя.

Казалось бы, образы праведников — Ивана Денисовича, Матрёны Захаровой — вот они, нравственные ориентиры для развития личности... Но Солженицын не в облаках витает, и на вопрос очередного интервьюера «достаточно ли сохранять простую человеческую порядочность перед лицом абсолютного зла» отвечает: «Нет, простая порядочность — недостаточный ответ на мировое зло. Всемирное зло — это не просто безумие или глупость. Это — плотное ядро, и с векторным воздействием. Против него нужна борьба активная». (12)

Терпя одно поражение за другим, злопыхатели Солженицына, оказываясь битыми в попытках извратить, оболгать его биографию, меняют тактику. Иные из них, напуская на себя скучающий вид, выдвигают другие аргументы. Один из них — особенно излюбленный в недавнем прошлом: «Солженицын — не историк». Печально, что это суждение вышло из уст и такого замечательного учёного-лингвиста, как Вячеслав Всеволодович Иванов — не говоря уже о профессорах, из кафедр основ марксизма-ленинизма и истории КПСС перекочевавших на кафедры политологии...

Но кто знает, что такое — быть историком? Обладать дипломом выпускника исторического факультета одного из многих советских университетов? Вопрос риторический... Да, Солженицын — не профессор, он а к а д е м и к РАН, и стоит напомнить формулировку присуждения ему высшей государственной премии РФ: «За выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности». На премию писателя выдвинули независимо д в а экспертных совета: по н а у к е, технологиям и образованию и по культуре и искусству. (13) Комментируя это присуждение, «Российская газета» писала: «Впервые на уровне высшей премии страны признаны заслуги писателя и гражданина, сказавшего самую страшную правду о России XX века». (13) Разве это не есть высший долг профессионального историка? — А вот слова самого Солженицына: «Я хотел быть памятью. Памятью своего народа, который постигла большая беда». (14) И он стал ею.

Не прекращаются жалкие замахи на главное дело писателя: «Своим монументальным историческим (всё-таки! — Г.В) исследованием он хотел открыть глаза человечеству, однако к моменту своего завершения колесо это оказалось никому не нужным и, скорее всего, не будет нужным никогда». (3) Написавший это не удосужился узнать,

что на юбилейной (к 90-летию писателя) московской международной конференции по одному только «Красному колесу» было сделано ш е с т ь (!) докладов; два из них — о новом вузовском спецкурсе «Красное колесо»!

А разве случайно «Российская газета» воспроизвела на полосах спецвыпуска (27.02.2007 г.) впервые написанные и опубликованные автором ещё в 1983 году (в России — в 1995-м) «Размышления над февральской революцией»? Историки, публицисты, писатели в той же (и других) газете два месяца вели ожесточенную дискуссию по этому материалу, представляющему собой авторское резюме «Красного колеса». Репринт давней статьи пришёлся ко времени: в сопредельных с Россией республиках уже пылали оранжевые революции, на которые скашивали глаза и наши соотечественники, домогавшиеся неизвестно какой «Другой России». Дискуссия охладила их пыл.

Особенно нелепы (не сказать — смехотворны) и посмертно адресуемые Солженицыну упреки: отстал, мол, от жизни (3), засидевшись в своем Вермонте. Читал ли кто-либо из думающих так повесть-очерк «На изломах», написанную сразу же по возвращении писателя в Россию? Одним из первых (приоритет — за романом Ильи Штемлера «Коммерсанты», 1994 г.) Солженицын отразил период лихорадочной приватизации «по Чубайсу» и становления новых производственных отношений с участием «красных директоров» прежней, советской формации и молодых — ещё не криминального посева — предпринимателей, пытающихся не просто спекулировать попавшим в их руки добром, а что-то ещё и производить полезное.

Политологи, профессора русской литературы возглашали с кафедр, что ни один прогноз Солженицына не оправдался (между прочим, «Россия в обвале» вышла за полгода до дефолта!), а его критика экономики, выстраиваемой по Гайдару, вообще — пустые слова. Но вот фрагмент из произведения «На изломах» (1996 г.): герой повести, директор оборонного комплекса, профессор едет в Штаты искать инвестиции.

«Встречали очень хорошо, как прогрессивного предпринимателя. И встречи, и консультации, и деловые завтраки-обеда. А вложений — и тут гроша не дали. Но — дали всё один и тот же верный совет: в такого монстра, как ваш Тезар (название предприятия. — Г.В.) никто инвестировать не будет, на нём можно только проиграть. Вам надо разгромоздить его на много отдельных предприятий — и пусть

каждое выбивается своими силами».

Вспомним недавние события в недалёком Пикалёво: единый технологический комплекс разбеднили, выбрали особо жирный кусок, а остальные производства — выживай, как вздумаешь! И когда это сделалось? Через в о с е м ь лет после предостережения Солженицына, в 2004-м году! При реформаторах Касьянове и Грефе! А впереди — сотни подобных градообразующих предприятий с теми же проблемами — взваливай, госбюджет, на себя то, от чего «эффективные управленцы» носы воротят!

Наши рыночные либералы сквозь зубы хвалят Солженицына за... ГУЛАГ. Но вот уж двадцать лет как писатель со сталинских преступлений перенёс огонь на нынешних либерал-реформаторов, повторяющих зады обречённой системы свободного предпринимательства со всеми её догматами. «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» — это уничтожающая критика западного общества, в котором писатель вынужден был провести двадцать лет. Эти годы он — в той же книге — оценивает как «испытание пошлостью». Но кто удосужился прочесть это «зёрнышко»?..

И прав проницательнейший Жорж Нива, ещё семнадцать лет назад, до возвращения писателя на родину увидевший, что «...его вражда к тоталитарному режиму вписывается в более широкий контекст, а именно — в отказ от материалистической западной цивилизации. Глядя на «европейскую» индустриальную цивилизацию в её третьем поколении, Солженицын осуждает всеобщую и смертоносную «гонку материальных благ» как на Востоке, так и на Западе, насмехается над евроцентризмом, предполагающим, что у всех человеческих культур — только один путь: непомерная индустриализация и правовая демократия». (11)

На всплеске откликов в центральных журналах на кончину Солженицына наконец-то различимы голоса и наших авторов о роли его произведений последнего двадцатилетия в наступающем XXI веке. Критик Сергей Михайлов из журнала «Москва»: «Солженицын — не то, что первый русский писатель, а вообще первый русский человек, сумевший на равных как самостоятельная сила — противостоять не государству даже, а мировой социально-политической системе. Эпоха Солженицына не только не кончилась, а ещё даже не началась. И от нас зависит — состоится ли она». (15)

А зарубежный (всё же) исследователь Ричард Темпест, высту-

пивший на юбилейной конференции с докладом «Александр Солженицын — писатель XXI века» утверждал: «В двадцать первом веке Солженицын будет прочитан — рассчитан — узан — именно как мастер слова <...> Солженицын — писатель XXI века. Свою всемирно-историческую миссию он выполнил. Осуществил он и свою профессиональную писательскую миссию — написать всё, что было им задумано, как в своё время Лев Толстой. И теперь пора читателю оценить автора «Ракового корпуса» и «Красного колеса» не как публициста или учителя, а как талантливейшего конструктора автономных художественных миров». За художником — будущее.

Источники:

1. Архипелаг ГУЛАГ кормит тысячи сталинских зеков. Известия, 4.02.2009.
2. Лев Лосев. Материалы конференции «А.И. Солженицын и его творчество». Изд-во «Третья волна», Париж — Нью-Йорк, Copyright 1988.
3. Станислав Ястржембский. Пророк и его Отечество. Звезда, 2008, № 12.
4. Словарь по этике (под ред. И.С. Кона) Москва, 1983.
5. Гарвардская речь — в сб. А.И. Солженицын. На возврате дыхания и сознания. Избранная публицистика, Москва, 2004, с. 281.
6. Павел Басинский. Улыбка исполина. «Москва», 2008, № 9.
7. А.Солженицын Виктор Астафьев «Из «Литературной коллекции», Российская газета, 27.04.2009.
8. Александр Солженицын. Беглецам из Семьи. Российская газета, 11.12.2008.
9. Вильгельм Гумбольдт. Цит. по В.А.Звегинцев История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. Москва, 1964. с. 69—104.
10. «Новая газета» 16.07.2009.
11. Жорж Нива. Солженицын. Москва, 1992.
12. А. Солженицын. Мы творим свою историю сами, сами загоняем себя в ямы. Известия, 11.12.2008.
13. В круге — первый. Александр Солженицын впервые награждён Государственной премией. Российская газета, 6.06.2007.
14. Цит. по Алексей Варламов Русский век, «Дружба народов», 2008, № 12, с. 203
15. Сергей Михайлов. Человек-эпоха «Москва», № 9, 2008.

«Санкт-Петербургские ведомости», 4.08.2009.